

ЯРОСЛАВ МУДРЫЙ И ПРИНЯТИЕ «РУССКОЙ ПРАВДЫ»

Алексей Карпов

Остоятельства принятия первого писаного свода русских законов — «Русской Правды» — хорошо известны. Связаны они с трагическими и кровавыми событиями нашей истории.

В 1014 году новгородский князь Ярослав Владимирович — пока ещё не снискавший себе будущей громкой славы и прозвища Мудрый — рассорился со своим отцом, киевским князем Владимиром Святославичем, и отказался платить в Киев ежегодную дань — две тысячи гривен серебра. «Ярослав же был в Новгороде, — рассказывает об этом «Повесть временных лет», — и, по уроку, давал в Киев две тысячи гривен из года в год, а тысячу раздавал в Новгороде гридям (дружинникам. — А.К.). И так давали все посадники новгородские, а Ярослав не стал давать сего в Киев, отцу своему».

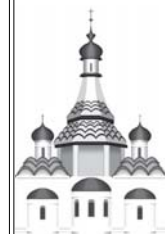
Наверное, демарш этот объяснялся не только корыстолюбием новгородского князя, которого скандинавские источники изображают человеком прижимистым и, безусловно, знающим счёт деньгам. И не только давним желанием Новгорода сбросить с себя власть киевских князей — хотя и это, несомненно, имело место (почти за сорок лет до описываемых событий сам Владимир, будучи новгородским князем, начал войну со своим старшим братом Ярополком Киевским и завоевал-таки киевский престол). Прежде всего, Ярослава не могло не тревожить то, что происходило в Киеве, в самом княжеском семействе.

Одновременно с ним (или, может быть, чуть раньше) мятеж против киевской власти

поднял пасынок Владимира Святополк, прозванный впоследствии Окаянным (сын того самого Ярополка Киевского, который был убит Владимиром). Святополк княжил в Турове, на западе Русского государства, и пользовался поддержкой своего тестя, польского князя Болеслава Храброго. Владимир бросил в темницу не только Святополка, но и его жену-полячку, а также прибывшего вместе с ней на Русь коллужегского епископа Рейнберна, которого счёл организатором заговора. Тогда же Владимир приблизил к себе одного из младших своих сыновей — Бориса, которому доверял больше других и которого, надо полагать, вознамерился оставить после себя киевским князем. Это должно было сильно обеспокоить и Святополка, и Ярослава. Заметим, что в сложившихся обстоятельствах будущие смертельные враги оказались союзниками, в равной мере противостоящими замыслам отца.

Подавить мятеж Ярослава Владимиру было труднее: Новгород находился гораздо дальше от Киева, чем Туров. Тем не менее Владимир начал подготовку к войне с сыном. «И сказал Владимир: “Требите пути и мостите мосты” — ибо хотел на Ярослава идти, на сына своего, но разболелся», — читаем в летописи. Помимо болезни, Владимира задержали и события на южных границах его державы, подвергшихся нападению печенегов. Князь послал против них войско во главе со своим любимцем Борисом.

Промедление отца позволило Ярославу собраться с силами. «...Ярослав же, послав за море, привёл варягов, боясь отца своего...» —

продолжает свой рассказ летописец уже под следующим, 1015 годом. Надо сказать, что Ярослав в точности повторял действия самого Владимира, которые тот, будучи новгородским князем, предпринял во время войны с братом Ярополком. Тогда Владимир тоже обратился за помощью к варягам, с которыми Новгород связывали прочные договорные отношения, и привёл в город сильную варяжскую дружину. И теперь наёмники-скандинавы с готовностью откликнулись на призыв его сына: датчане, шведы, норвежцы, а также выходцы с южного побережья Балтики поспешили в Новгород, рассчитывая на поживу, которая ожидала их в случае успеха. Судя по тому, что в летописи рассказ о противоборстве Владимира и Ярослава читается в двух смежных летописных статьях, события разворачивались на рубеже 1014 и 1015 годов. Год в Древней Руси начинался в марте; следовательно, в действительности речь идёт о зимних месяцах и начале весны 1015 года.

Ярослав, по-видимому, несколько поспешил: в ту пору войны начинали летом или, самое раннее, в конце весны; наёмники же прибыли в Новгород заранее и потому обречены были на вынужденное бездействие. А это редко идёт на пользу воюющей стороне. Поведение наёмников в Новгороде становилось всё более вызывающим. «Было у Ярослава много варягов, и насилие творили они новгородцам и жёнам их», — читаем в «Повести временных лет». Новгородский летописец выразился чуть более определённо: «В Новгороде же тогда Ярослав кормил множество варягов, боясь рати; и начали варяги насилие творить на мужатых (то есть замужних. — А.К.) жёнах».

Поведение чужаков переполнило чашу терпения горожан. «Сказали новгородцы: “Сего мы насилья не можем стерпеть”; и собрались ночью, и перебили варягов». Так Новгород оказался расколот, причём не только по этническому признаку: новгородцы выступили против наёмников, приглашённых в город князем и защищённых его властью. Война внешняя, так и не начавшись, грозила перерасти в войну внутреннюю — в стане самого Ярослава.

Сам князь пребывал в то время в своей загородной резиденции на Ракоме — в семи верстах к югу от Новгорода, на озере Ильмень. Именно

в этих событиях впервые проявляется характер Ярослава — человека коварного и жестокого, но вместе с тем способного и к искреннему раскаянию, и к резкому повороту от одной линии поведения к другой, прямо противоположной. На словах Ярослав вроде бы прощает новгородцев, виновных в убийстве его воинов. «Уже мне сих не кресити» (то есть не воскресить) — так, по летописи, отвечает он новгородцам, приглашая к себе «нарочитых», то есть наиболее знатных, новгородских «мужей». Это своего рода формула отказа от родовой мести, формула примирения, принятая в те времена, когда слово произнесённое заменяло письменный договор. Новгородцы, получившие гарантии безопасности, явились к князю. Но, оказывается, Ярослав с самого начала замышлял хладнокровное и жестокое убийство. Прибывшие к нему «нарочитые мужи» были перебиты варягами, поджидавшими их в княжеской резиденции.

Резня на Ракоме случилась в конце июля 1015 года. Ярослав находился в это время в тревожном ожидании предстоящего столкновения с отцом и готов был пойти на всё, чтобы умиловить свою варяжскую дружину и удержать её у себя. Однако вести, полученные им из Киева, оказались совсем не такими, каких он ждал. «Той же ночью, — продолжает летописец свой рассказ, — пришла к нему весть из Киева от сестры его Предславы: “Отец твой умер, а Святополк сидит в Киеве; Бориса убил, а на Глеба послал. Берегись его сильно”».

Это были известия ошеломляющие, полностью меняющие расклад сил в Киевском государстве.

Упомянутая летописцем Предслава приходилась Ярославу сестрой не только по отцу, но и по матери, а потому была полностью на его стороне — и в его конфликте с отцом, и в назревавшем столкновении со Святополком. И сведения, которые содержались в её послании, оказались поистине бесценными для Ярослава. Они помогли ему вовремя сориентироваться в изменившихся обстоятельствах.

Смерть Владимира последовала 15 июля 1015 года. Ярослав узнал о ней с большим опозданием. Более того, если бы не сестра, он вообще мог бы остаться в неведении о том, что происходило тогда в Киеве. Гонец Предславы прибыл в Новгород в обход «застав»,

устроенных Святополком. Как оказалось, освободившись после смерти отчима из заточения, Святополк успел принять власть над Киевом, и киевляне с готовностью поддержали его. В интересах Святополка было до времени скрывать смерть Владимира, ибо это давало ему преимущество в неизбежной схватке с братьями. Так, он сумел переманить на свою сторону отцовскую дружину, отправленную Владимиром против печенегов (найти печенегов тогда так и не удалось, и войско ни с чем возвращалось из похода в Киев). Дружина покинула Бориса на реке Альте, близ города Переяславля (ныне Переяслав-Хмельницкий, на Украине). Так Борис — наиболее вероятный наследник отца — был нейтрализован, а спустя несколько дней, 24 июля, убит тайными посланцами Святополка. Позднее от рук Святополковых убийц погибли ещё двое сыновей Владимира — единутробный Борисов брат Глеб, убитый 5 сентября на реке Смядыни, близ Смоленска, и сын некоей «чехини» Святослав, бежавший в «Угры», то есть в Венгрию, но настигнутый убийцами где-то в Карпатских горах. Ярослав успел предупредить Глеба об опасности, звал его к себе в Новгород. Глеб внял его предупреждению, однако спастись так и не успел; что же касается Святослава, то обстоятельства его гибели остались нам неизвестными.

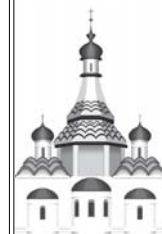
Итак, послание Предславы застало Ярослава врасплох. Надо полагать, что в его душе произошла настоящая драма. Те действия, которые он предпринял для достижения цели, оказались не просто неэффективными, но, можно сказать, губительными для него. Ибо ситуация изменилась коренным образом. Прежде Ярослав вёл войну с отцом, причём войну главным образом оборонительную; он действовал так, чтобы избежать решительного столкновения, а в случае неудачи иметь возможность незамедлительно бежать «в Варяги». Поддержка скандинавов была ему нужнее, нежели поддержка самих горожан. Теперь же он должен был вступить в борьбу за Киев, перейти к активным, наступательным действиям — и не только из-за честолюбия, но ради элементарного самосохранения: дабы не быть убитым самому, подобно братьям Борису и Глебу. Однако для этого требовались значительно большие силы, нежели те, которыми он располагал. Главное же, Ярославу требо-

вался прочный тыл, который могла обеспечить лишь поддержка новгородцев. А добиться её после учинённой расправы, казалось, не было никакой возможности. Но Ярослав нашёл в себе силы перевернуть ситуацию в свою пользу. Именно тогда он впервые обнаружил качество, присущее только по-настоящему выдающемуся политику, — способность к раскаянию, притом раскаянию искреннему, а не показному, способность признать свою ошибку или даже своё преступление, но признать так, что само это признание оборачивается победой, а не поражением.

Получив известие от Предславы, рассказывает летописец, Ярослав пришёл в великую скорбь: «опечален был об отце, и о братии, и о дружине». На следующий день он созвал вече — причём не в самом городе, но за его пределами. «Наутро же, собрав остаток новгородцев, Ярослав сказал: “О, любимая моя дружина, кою вчера избил! А ныне надобна оказалась!”» Несколько по-другому передаёт слова князя автор Новгородской летописи: «Любимая моя и честная дружина, избил вас вчера в безумии своём! Теперь мне того и златом не искупить!» Несомненно, в этих словах, тщательно зафиксированных древнерусским книжником, был заложен глубокий и вполне определённый смысл. Князь обращается к новгородцам как к «дружине своей» и называет её «любимой» и «честной», то есть достойной почестей. И тут же объясняет причину случившейся драмы: «...избил вас вчера в безумии своём». Нет слов, он виновен, он признаёт себя таковым — но ведь ум даёт человеку свыше, и не в его власти обладать им, если Провидение лишает человека ума. Но ныне ум вернулся к нему — и значит, перед новгородцами уже иной князь, не тот, что безумствовал накануне. И признавая свою вину, князь спешит исправить содеянное зло.

«И утёр слёзы, и так сказал им на вече: “Отец мой умер, а Святополк сидит в Киеве, избивая братию свою. Хочу на него пойти. Потягнете (последуйте; пособите. — А.К.) за мной!”. И отвечали новгородцы: “Хотя и иссечены братия наши, можем, княже, за тебя бороться!”».

Нам сегодня трудно понять их. Но если взглянуть на случившееся глазами современников Ярослава, то окажется, что и князь, и новгородцы были, что называется, квиты: Ярослав ответил кровью на кровь, смертью на смерть;

отмстив за убийство «своих» варягов, он лишь исполнил обычай родовой мести, а значит, не вышел за рамки понятий и установлений своего века. Ещё важнее то, что новгородцы понимали: победа Святополка означала бы восстановление прежней власти Киева над Новгородом; Ярослав же показал себя решительным сторонником политической и экономической независимости Новгорода от Киева — по крайней мере до тех пор, пока сам он оставался новгородским князем.

Новгородский летописец свидетельствует, кажется, и о том, что Ярослав золотом готов был искупить свою вину перед новгородцами: «Теперь мне того и златом не искупить!», восклицал он на вече. Иными словами, он готов был уплатить виру, положенную за убийство (то есть исполнить обычай, существовавший в славянском обществе, когда кровная месть могла заменяться уплатой определённой суммы денег — виры) — но только не сейчас, а позже, когда для этого у него появятся возможности. А возможности такие могли появиться — и новгородцы прекрасно осознавали это — лишь после завоевания Киева и завершения борьбы со Святополком. Как известно, золото — не худший путь к сердцам подданных, вполне способный — по крайней мере, на время — обеспечить их верность и поддержку. И действительно, Ярослав исполнит обещанное и щедро вознаградит новгородцев по завершении войны. В войске, выведенном им против Святополка, новгородцы окажутся в абсолютном большинстве: варягов у Ярослава будет тысяча, а своих — 3 тысячи (такую цифру приводят новгородские источники; что же касается «Повести временных лет», то в ней фигурирует какая-то громадная и едва ли достоверная цифра в 40 тысяч человек). Но, судя по дальнейшему ходу событий, новгородцы бились со Святополком не только за золото и серебро.

Исследователи не сомневаются в том, что примирению Ярослава с новгородцами предшествовало заключение между ними особого «ряда» — договора, регулирующего, в частности, отношения между княжескими людьми и горожанами. Договор этот и отразился в так называемой «Древнейшей Правде», вошедшей в состав Краткой редакции «Русской Правды» — как было уже сказано, древнейшего

памятника русского права. Краткая редакция «Русской Правды» сохранилась в двух списках XV века — в обоих случаях в составе Новгородской Первой летописи младшего извода, где она читается под 1016 годом. Согласно прямому свидетельству летописи, Ярослав «начал воев своих делить (здесь в смысле награждать. — А.К.): старостам по 10 гривен, а смердам по гривне, а новгородцам по 10 гривен всем, и отпустил их всех домой, дав им правду и устав списав» (сказав при этом: «По сей грамоте ходите»), уже после победоносного завершения войны со Святополком и окончательного утверждения в Киеве. Все эти события и датируются здесь обобщённо 1016 годом. Но из «Повести временных лет» и других источников мы знаем, что братоубийственная война затянулась не на один год и осложнилась вмешательством различных внешних сил: после победы над Святополком у Любеча осенью 1016 года и захвата Киева Ярослав потерпел жестокое поражение от Болеслава Польского летом 1018 года на реке Буг, бежал из Киева в Новгород, затем при поддержке новгородцев возобновил войну, вынудил Святополка (рассорившегося к тому времени с тестем) бежать из Киева к печенегам, отразил нашествие печенегов на Киев в 1019 году, и лишь после этого Святополк сгинул неведомо где за пределами Руси. Упомянутый в летописи договор с новгородцами и принятие «Русской Правды» логичнее всего отнести ко времени первого княжения Ярослава в Киеве — после его первой победы над Святополком у Любеча, то есть к концу 1016-го — началу 1017 года, когда новгородцы и должны были покинуть Киев. И именно это даёт нам основания отпраздновать в 2016 году тысячелетие первого русского судебногоника!

Содержание же «Древнейшей Правды» отражает те драматические события, о которых мы говорили выше и которые относятся к лету 1015 года. Ибо уже первая статья уложения Ярослава уравнивала в правах новгородцев и пришлых, княжеских людей и предоставляла тем и другим равную защиту от посягательств на их жизнь и достоинство. «Правда Ярослава» сохраняла право на кровную месть, но ограничивала круг тех лиц, которые могли мстить за смерть своих родичей; в случае же, если таких близких родственников не оказывалось,

предусматривалось денежное возмещение, размер которого определялся в 40 гривен — сумму очень значительную по тем временам. Эта мера защищала прежде всего «княжеских мужей», которые и перечислены в первой статье «Древнейшей Правды»: «...Если будет русин, либо гридин, либо купчина, либо ябетник, либо мечник (последние два названия обозначали особые категории княжеских слуг, занимавших административные должности. — А.К.)... то 40 гривен за него». Но точно такой же суммой защищалась и жизнь новгородцев, в том числе и тех, у которых не имелось местников: «...если изгой будет, либо словенин» — те же 40 гривен надлежало платить за их жизнь. Так законодательство Ярослава примиряло прежде противостоявшие части его войска, а вместе с тем и прежде противостоявшие друг другу социальные группы раннесредневекового Новгорода.

Твёрдо установленные суммы штрафов предусматривались и в случае нанесения телесных повреждений, а также оскорблений действием, причём каждый случай был чётко расписан: «Если кто ударит кого палкой, или жердью, или кулаком, или чашей, или рогом, или обухом (очевидно, имелось в виду, что подобные стычки могут случиться даже на княжеском пиру. — А.К.), то платить 12 гривен»; «если кто ударит мечом, не вынув его из ножен, или рукоятью, то 12 гривен за обиду»; «если же ударит мечом по руке и рука отвалится или усохнет, то 40 гривен» (ибо потеря дееспособности приравнивалась тогда к смерти); «если же по пальцу ударит какому-либо, то 3 гривны за обиду»; «а за ус 12 гривен и за бороду 12 гривен» (острижение бороды и усов, как видим, расценивалось как тягчайшее оскорбление); «если кто вынет меч, а не ударит, тот платит гривну»; и т. д и т. п.

Наёмники-скандинавы были особо выделены в княжеском законодательстве — и это тоже стало следствием конфликта в Новгороде накануне выступления Ярослава войска из города. «Древнейшая Правда» специально предусматривала те случаи, когда обидчиками или обиженными становились «варяги» или «колбяги». Происхождение и точное значение последнего названия неясно, но можно не сомневаться, что оно также означало наёмников-иноземцев: «колбяги» («кулпинги»), наряду с «варягами» («варангами»), упоминаются не только в «Рус-

ской Правде», но и в византийских источниках второй половины XI века — в качестве наёмников, состоявших на службе у византийских императоров. Наверное, можно предположить, что, в отличие от выходцев из самой Скандинавии, так называли выходцев с южного побережья Балтики (может быть, из области Колобжег?). Вероятно, именно новгородцы настояли на внесении в текст «Правды Ярослава» особой статьи, предусматривающей выдачу беглого раба («челядина»), укрывшегося у иноземцев: «Если челядин скроется или у варяга, или у колбяга, и его в течение трёх дней не выведут, но обнаружат его хотя бы на третий день, то взять... своего челядина, а 3 гривны за обиду». Надо полагать, такие случаи были в Новгороде нередки.

Несмотря на то, что установления Ярослава касались вроде бы частных вопросов, значение их для русской истории чрезвычайно велико. Предназначенные первоначально лишь для новгородцев, они распространились впоследствии на население всего государства. В дальнейшем же, при преемниках Ярослава, установления «Русской Правды» будут пополняться новыми законами и, видоизменяясь, просуществуют в качестве действующего судебного кодекса вплоть до XV века! Историки с полным основанием называют «Древнейшую Правду» князя Ярослава Владимировича не больше не меньше как «правовым оформлением» процесса создания Древнерусского государства (определение крупнейшего историка русского Средневековья А.А. Зимина).

В биографии же самого Ярослава принятие «Русской Правды» (или «Суда Ярославля Володимерича», как названа древнейшая часть «Русской Правды» в её позднейшей редакции — так называемой «Пространной Правде») стало событием знаковым. Не в последнюю очередь именно оно повлияло на то, что князь этот вошёл в нашу историю с почётным прозвищем Мудрый — единственным в своём роде. Книжники же более позднего времени усваивают ему ещё одно, не менее лестное прозвище — Правосуд; именно так — «Ярослав Прав Суд» — назвал князя книжник XVII века, автор так называемого Пинежского летописца. Ярослав — одна из наиболее противоречивых личностей в истории Древней Руси. Но такое прозвание он заслужил сполна.